

ХОДОРЕВ С.В.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НЕУДОБНЫЙ

Алиса AI
Алиса AI

Сергей Ходорев

Неудобный

«Автор»

2026

Ходорев С.

Неудобный / С. Ходорев — «Автор», 2026

Семнадцать лет. Три класса образования. Воспитательно-трудовая колония для несовершеннолетних — посёлок Дзержинск, Томская область. Сергей Рыжих приехал сюда не впервые и знал: тут не по-людски, тут по правилам. А правила пишут активисты во главе с Сухаревым. Но Сергей не подписал. Чтобы не вступить в секцию — ломает себе пальцы. Чтобы не ходить в строевые — вкалывает слюну в ногу. Чтобы не работать в промзоне — наносит кандалы на голени. Его тело — единственное, чем он управляет. Единственное, что у него есть. Некому писать. Некому ждать. Мать на суде кричала: «Его надо закрыть! Подальше от дома!» Отец сказал три слова: «Мы пытались. Не получилось» — и ушёл. Но в больничной палате среди взрослых мужиков с татуировками Сергей впервые слышит, как поют — не от радости, а оттого, что больше нет сил молчать. А в пекарне, среди мешков муки, «Неудобный» — история человека, которого система не смогла сломать, потому что он ломал себя сам. Но по своей воле.

© Ходорев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Спрыгнуть и не упасть	5
Глава 2. Строем вдоль запретки	7
Глава 3. Шмон и право на зубы	9
Глава 4. Вечер в прогулочном дворике	13
Глава 5. Первая ночь в карантине	15
Глава 6. Каша и зарядка	17
Глава 7. Мазок	20
Глава 8. Король	23
Глава 9. Два гипса	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Ходоров

Неудобный

Глава 1. Спрыгнуть и не упасть

Сергей спрыгнул с воронки. Была тёплая погода, светило солнце, но от этого не становилось легче: воздух пах пылью, железом и чем-то кислым, будто сама земля здесь была пропитана чужой усталостью. Солнце било в глаза, и Сергей прищурился, посмотрел вверх — по столбу, рядом с которым он стоял, сидела ворона. Чёрная, большая, важная, как прокурор. Сидела и смотрела на него сверху вниз, будто оценивала: ещё один приехал. Ворона каркнула — громко, резко, будто вынесла приговор.

Сергей сплюнул и подошёл к забору из сетки-рабицы, поставил сумку на землю. Взял руки за спину и стоял, разглядывал сетку, поглядывал на небо. В спине ныло так, что хотелось просто лечь прямо на землю и не шевелиться, но он держался ровно, чтобы не показывать слабость. Сетка-рабица была ржавая, местами порванная, местами завязанная проволокой кое-как. За ней — запретка, полоса вспаханной земли, потом ещё один забор, выше, с колючей проволокой наверху, натянутой в три ряда. А за тем забором — вышка, деревянная, с тёмным окном внизу, где, наверное, сидел стрелок. Или не сидел. Сергей не знал, но предполагал худшее — всегда предполагаай худшее, это правило выручало его не раз.

Контролёр, плотный, с лицом, будто выточенным из старого кирпича, закричал, чтобы он сел:

— Чего стоишь? Садись! Здесь не курорт!

Сергей не торопился. Он медленно повернул голову, посмотрел прямо в глаза контролёру и спокойно, без вызова, но и без подобострастия, сказал:

— Не могу. Спина болит.

Контролёр фыркнул, будто услышал нелепую отговорку:

— Ничего страшного. Тут всех лечат. Садись, я сказал!

— Лечите, наверное, — Сергей чуть наклонил голову, — только от чего? От спины не лечат. От спины просто мучаются.

Контролёр посмотрел на него — секунду, две. Лицо не изменилось, но что-то дрогнуло в глазах — не злость, скорее удивление. Новенький, а уже разговаривает. Не грубит, не огрызается — разговаривает. Контролёр таких не любил: молчуны — те predictable, орущие — те понятны. А вот разговаривающие — те непредсказуемые. Из них потом или активисты получаются, или головная боль.

— Садись, — повторил контролёр, но уже тише. Не потому что смягчился — просто не хотел разводить беседу на пустом месте. Ему ещё тридцать душ выгружать.

Все малолетки, которые приехали вместе с Сергеем в воронку, уже присели рядом со своими сумками и ждали дальнейших команд после выгрузки. Кто-то нервно теребил ляжку, кто-то смотрел в одну точку, будто пытался спрятаться внутри себя. Один парень, совсем щуплый, всё время оглядывался, будто искал, куда бы сбежать, хотя бежать было некуда: вокруг только сетка-рабица, столбы, проволока и тишина, в которой каждый звук казался слишком громким. Другой — здоровый, рыжий, с разбитой губой — стоял, сжимал кулаки и смотрел на землю, как будто собиравался с кем-то драться прямо сейчас. Третий — маленький, тёмный, с быстрыми глазами — уже осматривался по сторонам, прикидывал, к кому можно подкатиться, с кем можно договориться. Сергей таких уже видел — выживают на хитрости, а не на силе. Иногда выживают, иногда нет.

Воронок стоял рядом — тёмный, железный, с маленькими зарешёченными окнами. Водитель курил, прислонившись к кабине, и смотрел на малолеток равнодушно, как смотрят на скот, который привезли на базу. Для него это была работа — привёз, сдал, поехал за следующей партией. Ничего личного. Сергей понял это сразу — и не обиделся. Обижаться на систему — всё равно что обижаться на дождь. Дождю всё равно.

Сергей сел, но не на корточки, а ровно, выпрямив спину, насколько позволяла боль. Он не хотел выглядеть слабым, но и не хотел лезть на рожон с первой секунды. «Пусть видят, что я не трясусь, — думал он, — но и не лезу драться без причины». Сумка лежала рядом — потёртая, синяя, с молнией, которая не до конца закрывалась. Внутри — всё, что у него осталось: смена белья, спортивный костюм, мыльница, щётка, мочалка, полотенце, кружка. Не много. Но у некоторых и этого не было — сидели с пустыми руками, вообще без ничего. Сергей видел одного такого — парень стоял, руки в карманах, empty, без сумки, без ничего. «either из дома голый приехал, либо по дороге всё отняли, — подумал Сергей. — Тяжело будет. С нуля тут — это вообще ад».

Ворона на столбе снова каркнула и улетела — тяжело, лениво, махая крыльями, будто ей было лень даже летать. Сергей проводил её взглядом и подумал: «Везёт же. Улетела. А мы тут. И никуда не денемся».

Вот так начиналась жизнь в лагере. Это была воспитательно-трудовая колония (ВТК) для несовершеннолетних. Посёлок Дзержинск, Томская область. Здесь у Сергея уже начинались взрослые подготовительные институты. Он знал это слово — «институт» — и оно звучало почти насмешливо: не лекции и кафедры, а свои уроки, свои экзамены, где вместо оценок ставили сроки и репутацию. Учиться тут — это не сидеть за партой. Учиться тут — это выживать. А выживать — это знать, кто за кем стоит, кто на кого смотрит, кто кому должен, и кто держит слово, а кто продаёт. Сергей уже знал кое-что из этого. Но многое предстояло узнать.

Глава 2. Строем вдоль запретки

Когда все выпрыгнули из воронка, конвой («дубаки») приказал встать строем и идти вдоль запретки по тропинке.

— Встать! Строем! — рявкнул старший дубаки, высокий, жилистый, с глазами, в которых не было ни злости, ни жалости — только привычка к порядку. — По одному, не толкаться! Шаг в ногу, не разбредаться!

— Слышь, а далеко идти? — тихо спросил кто-то сзади, из середины строя.

— Молчать! — старший даже не обернулся. — Вопросы — потом. Сейчас — шагать.

Все пошли не торопясь строем в сторону одноэтажного здания — это был карантин, там же находился изолятор и «сус». Сергей уже смутно представлял, что такое лагерь. Он слышал рассказы тех, кто уже прошёл через это, и теперь складывал их с тем, что видел сам: ржавые столбы, натянутую проволоку, тишину, в которой каждый звук казался слишком громким.

Тропинка шла вдоль запретки — вспаханной полосы земли, которая отделяла жилую зону от внешнего забора. Запретка — это было святое место: ни шагу туда. Кто наступал на запретку — тот получал предупреждение, а потом — выстрел. Так говорили. Стреляли или нет, Сергей не знал, но проверять не собирался. Он смотрел на вспаханную землю — чёрную, ровную, будто пропаханную трактором — и думал: «Вот она, граница. Невидимая, но настоящая. Между мной и свободой — вот эта полоса земли, вот этот забор, вот эта проволока. Всё. Простая география».

На вышке сидел контролёр — маленькая фигурка на фоне серого неба. Сергей прищурился, разглядел: рация на плече, бинокль в руках. Сидит, курит, смотрит вниз. Равнодушно. Ему тоже всё равно — ещё одна партия, ещё одни лица. Через месяц он не вспомнит ни одного.

Щуплый парень шёл впереди Сергея, спотыкался, хватался за лямку сумки. Обернулся, спросил торопливо:

— Слышь... а тут всегда так?

Сергей покосился на него, чуть наклонил голову:

— Всегда. Только дальше будет хуже или лучше — зависит от тебя.

— А как сделать, чтобы лучше?

— Не гнись. И не лезь. Просто стой прямо.

Щуплый парень сглотнул, но ничего не ответил. Поджал губы и зашагал дальше, стараясь не отставать от строя. Сергей посмотрел ему в спину и подумал: «Не поймёт. Сейчас не поймёт. Потом, может быть, дойдёт. А может, и не дойдёт — таких, которые не понимают, тут хватает. Они гнутся первыми, а потом уже не разгибаются».

Здание карантина приближалось. Одноэтажное, длинное, с облупившейся штукатуркой и маленькими окнами, зарешёченными. У входа — крыльцо, бетонное, с выщербленными ступенями. Дверь — железная, тяжёлая, с глазком и звонком. Рядом — урна, переполненная окурками. На стене — табличка: «Карантинное отделение». Буквы облупились, некоторые стёрлись — будто и слова устали здесь.

Они молча шли до помещения; контролёр нажал кнопку звонка, открылась железная дверь. Звякнул замок, дверь тяжело отошла внутрь, пахнуло казённым воздухом — смесь хлорки, старых простыней и какого-то кислого, затхлого духа. Там дежурил ещё один контролёр, с лицом, будто вырезанным из старого дерева, — ни улыбки, ни злости, только привычка. Малолетки начали заходить внутрь по одному, не торопясь. Внутри был большой коридор-зал, все встали, построились со своими сумками. Сергей понимал, что сейчас начнётся шмон.

Рядом с Сергеем снова оказался щуплый. Тот оглядывался, кусал губу, и вдруг спросил:

— А что с сумками делать?

— Поставь. Стой. Жди.

— А вещи заберут?

— Какие-то заберут. Какие-то оставят. Не знаешь — не спрашивай. Потом сам увидишь.

— А если важное заберут?

— Тут нет важного. Тут всё казённое.

Там стояли также активисты — все в хорошо отглаженных робах, с нагрудными знаками с фамилией, именем и отчеством, а также нашивками секции, которой они были приписаны или руководили. Сергей всё это понимал. Он уже был готов к этой экзекуции, но ничего страшного. Активисты смотрели на новеньких, как пастухи смотрят на новое стадо: оценивают, кто бодливый, кто спокойный, кто приبلудный. Сергей таких взглядов уже насмотрелся — в спецшколе то же самое, только масштаб мельче. Активисты — это надзиратели из числа самих заключённых. Система проста: администрация не может контролировать всех, поэтому выбирает из массы тех, кто готов служить, и даёт им власть. Власть — это сигареты, еда, право не работать, право бить. Взамен — Loyalty. Рапорты, доклады, стукачество. Просто и эффективно. Сергей эту систему знал наизусть.

Глава 3. Шмон и право на зубы

Всё начали проходить по одному: брали личное дело, дубаки называли фамилию, проходили на обыск, где кричали и активисты, и дубаки:

— Раздеваться! Высовывать вещи! Всё на стол!

Заходили с сумками, выходили с маленькими пожитками: полотенце, кружка, щётка, мыльница, мочалка. Всё остальное забирали, активисты выбирали себе шмотки получше. Конвой закрывал на это глаза, допускал всё это.

Перед Сергеем в очереди стоял тот самый щуплый парень. Активист — крепкий, лет восемнадцати, с нашивкой «трудовая секция» и глазами, которые смотрели на людей как на вещи — даже не смотрел, когда шарил в его сумке. Просто вытряхнул всё на стол, отложил в сторону пару футболок получше, остальное сунул в общую кучу. Щуплый стоял, опустив голову, молчал. Когда отошёл, у него в руках были только кружка и мыльница. Даже полотенце забрали.

Сергей видел это. Запомнил.

— Эй, — щуплый тихо сказал, когда отошёл к стене. — У меня же... там футболка была. Нормальная. Мать прислала.

Никто не ответил. Активист уже копался в следующей сумке, даже не повернул головы. Дубак стоял у стены, смотрел в потолок, делал вид, что ничего не происходит.

— Забудь, — сказал Сергей, проходя мимо. — Тут всё забывают. Привыкай.

Щуплый кивнул, но глаза были мокрые. Он отвернулся к стене и стал делать вид, что разглядывает трещину в штукатурке.

Очередь двигалась. Кто-то выходил из шмона с каменным лицом, кто-то — с бегающими глазами. Один парень — здоровый, с бритой головой — вышел, плюнул на пол и сказал:

— Суки. Труссы забрали. Какие-то чужие оставили — с дыркой.

— Тихо! — рявкнул дубак. — Не выражаться!

— А чё выражаться? — парень повернулся к нему. — Труссы чужие надевать — это нормально?

— Это санкция. Положено.

— Ну положено вам — вы и носите.

Дубак побагровел, но сдержался. Зачем нервничать — пацан, новенький, ещё не понимает. Поймёт позже. Все понимают.

Вот вызвали Сергея:

— Рыжий!

Сергей шагнул вперёд, поставил сумку на стол. Активист расстегнул молнию, начал рыться. Руки двигались привычно, равнодушно — откладывал: это себе, это в общую кучу, это себе. Дошёл до спортивного костюма — тёмно-синий, не новый, но аккуратный, ещё по этапу где-то достал — и потянул его в свою сторону.

— Эй, — сказал Сергей. Не громко, но твёрдо. — Не трогай. Это моё.

Активист замер. Медленно поднял глаза. Посмотрел на Сергея снизу вверх — Сергей был чуть выше — и усмехнулся, как будто увидел что-то забавное.

— А ты кто такой, чтобы указывать?

— Тот, кто не отдаёт просто так.

В зале стало тише. Не то чтобы все замерли — просто звук чуть приглушился, будто кто-то повернул ручку громкости. Парни, стоявшие в очереди за Сергеем, смотрели в пол, но уши были направлены только сюда. Дубаки, стоявший у стены, чуть шевельнулся, но не вмешивался — ждал.

Активист бросил костюм обратно на стол и шагнул к Сергею. Близко, вплотную. Так близко, что Сергей чувствовал от него запах дешёвого мыла и застарелого пота.

— Ты тут новенький, — сказал он тихо, почти ласково, так, чтобы слышал только Сергей. — Запомни: здесь не по-людски. Здесь по правилам. А правила — мы пишем. Ты понял?

Сергей молчал. Не кивал, не отводил глаз, просто молчал — и это было хуже любого ответа.

Активист это понял. Что-то дрогнуло в его лице — не страх, нет. Скорее удивление, переходящее в злость. Он не привык, чтобы ему молчали в ответ. Обычно после таких слов новенькие начинали оправдываться, извиняться, просить. Этот — молчал и смотрел.

— Чего молчишь? — активист чуть наклонил голову, будто пытался заглянуть Сергею внутрь. — Язык проглотил?

— Нет, — ответил Сергей. — Язык на месте. Просто мне нечего тебе сказать. Ты решил, что возьмёшь — ты и возьмёшь. Но чтобы ты знал: я не забуду.

Активист чуть отступил — на полшага, не больше. Не от страха — от неожиданности. Новенькие не разговаривают так. Новенькие либо молчат и трусят, либо горлопанят. Этот — говорил. Тихо, ровно, без угрозы — но и без просьбы. Как равный. Это было... непонятно.

— Ладно, — сказал активист и отступил на полшага. Потом, уже громче, для всех: — Костюм забираем. Норма. Проходи.

Сергей не двинулся.

— Забирайте. Но не лапайте. Пусть положат нормально, а не швыряют.

Дубаки, стоявший у стены, хмыкнул:

— Ну-ка, не балуй. Костюм забирают. Здесь не магазин. Проходи, я сказал.

Активист взял костюм — но не бросил в кучу, как делал с чужими вещами. Медленно, на глазах у Сергея, сложил его, аккуратно, и положил на верх общей стопки. Потом повернулся к Сергею, и на секунду их глаза снова встретились.

В этом взгляде не было ни злости, ни раздражения — только холодная фиксация. Как будто активист делал мысленную фотографию: запоминал лицо, рост, повадку. Сергей видел этот взгляд и знал, что это значит. Видел такое раньше, в спецшколе. Так смотрят не на врага момента, а на человека, с которым предстоит иметь дело долго.

Активист назвал свою фамилию — негромко, будто для протокола:

— Сухарев. Секция трудовая. Запомни.

И ушёл.

Сергей запомнил.

Ему дали затрещину — не сильную, но ощутимую, чтобы сбить спесь. Удар пришёлся по затылку, рука у дубаки была тяжёлая, привычная. Сергей качнулся вперёд, но удержался. Не повернулся, не сказал ничего — только стиснул зубы. «Получишь — принимай. Отдашь — считай долг. Долг тут не живёт долго», — подумал он.

— Собирайся. Идти мыться.

Сергей взял то, что ему оставили — полотенце, мыльницу, щётку, мочалку, кружку. Всё. Костюм остался лежать на верху стопки, аккуратно сложенный, будто издевательское напоминание: «Я могу и аккуратно, когда хочу. Но вещь — моя».

Пока он шёл по коридору в сторону бани, его догнал щуплый парень. Тот семенил рядом, стараясь не наступать на пятки, и тихо сказал:

— Ты зря. Он тебя запомнил.

Сергей не замедлил шага:

— Он меня запомнил — это да. Но и я его — тоже.

— А что толку? Он — активист. У него — бугры, дубаки. А у тебя — что?

— У меня — я. Пока хватало. Посмотрим, хватит ли дальше.

Щуплый покачал головой, но ничего не сказал. Помолчал, потом спросил:

— А ты раньше сидел?

— Сиживал.

— Где?

— В спецшколе. Потом — на этапах. Я не новичок.

— Я — новичок, — тихо сказал щуплый. — Я вообще... первый раз. Ничего не знаю.

— Ничего не знать — это нормально. Плохо — не хотеть знать. Запоминай, смотри, слушай. Говори мало. Это три правила. Если будешь их соблюдать — проживёшь.

Щуплый кивнул, будто записывал. Сергей посмотрел на него и подумал: «Может, и выживет. Если научится молчать. Если не научится — сломают. Быстро».

А Сухарев в это время уже вернулся к себе, в комнату активистов. Сел на табурет, закурил. Руки не тряслись — он не из тех, кто злится сразу. Он из тех, кто злится медленно, как закипает вода в жестянке на слабом огне: сперва тихо, потом — кипятик.

«Рыжий», — прокрутил он в голове. Погоняло. Лицо. Высокий. Спина болит — значит, есть слабое место. Глаза не бегают — значит, не страшный, но упрямый. Не бык, не злой — спокойный. Такие хуже быков. Быка можно сбить с ног, упрямого — надо ломать долго и терпеливо.

Сухарев затаился, выпустил дым тонкой струйкой и прищурился. Он не забывал. Никогда не забывал. Был у него один случай полгода назад: новенький, мелкий, щуплый, тоже пытался огрызнуться на обыске. Сухарев тогда подождал неделю. Подождал, пока тот расслабится, начнёт думать, что пронесло. А потом подошёл к нему вечером у бани, без свидетелей, и тихо, без крика, объяснил: кто тут пишет правила и что бывает с теми, кто их не читает. Тот после этого три дня ходил с разбитой губой и больше не огрызался. Вообще. До конца срока.

«Этот — не тот, — думал Сухарев. — Этот покрепче. Этот зубы показывает. Ну и что. Зубы можно выбить. Не в один день, не сразу. Постепенно. Тут срок длинный, торопиться некуда».

Сухарев затушил сигарету о край стола, аккуратно размял окурок пальцами. Он уже прикинул: этот Рыжий — парень не промах, но один. Активистов — семеро. Дубаки — на их стороне. Администрация — тоже на их стороне, потому что активисты — это порядок, а порядок — это отчёты, а отчёты — это премии и звания. Система работает на Сухарева, а не на Рыжего. Вопрос времени.

«Пусть пока покуражится, — подумал Сухарев и почти улыбнулся. — Пусть думает, что он показал зубы и его оставили в покое. Нет. Я не оставляю. Я просто жду. А когда придёт время — он сам не поймёт, откуда пришло. Но поймёт, зачем».

Сухарев встал, одёрнул робу, поправил нагрудный знак. Вышел в коридор. Лицо — ровное, спокойное. Никто бы не сказал, что внутри у него уже складывается план.

Пошли в баню. Баня — такая вещь, даже не знаешь, как её назвать: по периметру четырёхкомнатной комнаты висели в воздухе трубы, к этим трубам были выведены носики. Носики были такие, как лейки, все забитые, снятые, просто лила искра воды из трубы. Периодически давление падало, вода то холодная, то горячая, так что мыться приходилось быстро, по ситуации.

В бане пахло мокрым цементом и дешёвым мылом — жёлтым, казённым, которое мылило плохо, но пахло сильно, будто пытались заглушить запах пота и грязи. Пол был мокрый, скользкий, с разводами ржавчины. Сергей разделся, стараясь не торопиться, не показывать, что спина болит — спину нужно прятать, слабое место не демонстрируют. Два мальчишки, которые зашли вместе с ним, жались друг к другу, прикрывались руками. Сергей не прикрывался — стесняться было поздно, да и некого было стесняться: все такие же, все голые, все грязные. «В бане все равны, — думал он, — мокрые, голые и равные. Только outside — снова разница».

Пока Сергей стоял под струёй, которая то обжигала, то леденила, он прокручивал в голове эту сцену. Не потому что жалко костюм — жалко, да, но не в костюме дело. Дело в том, что Сухарев — человек, который привык, что ему подчиняются. Не из страха даже, а из привычки: все уступают, все молчат, все отдают. Сергей таких уже видел. Они не злые, они — пустые. Заполняют собой пространство, где другие боятся стоять прямо. И когда кто-то стоит прямо — они теряются. На секунду. А потом начинают точить.

Сергей знал: Сухарев не забудет. Не сегодня, не завтра — может, через неделю, через месяц. Найдёт момент, когда Сергей будет слабее, когда рядом не будет дубаков, когда можно будет подойти с двумя-тремя «помощниками» и напомнить: «Ну что, новенький, по-людски? Вот теперь по-людски». Это будет. Сергей не обольщался. Но и отступать не собирался. Потому что если отступишь один раз — потом не встанешь.

Он помылся, не был таким грязным, вышел, быстро оделся, поторопился в карантин — от душа было пять шагов до карантина. Шёл в карантин, там уже стоял горячий чайник, заваренный чифер. Активисты хоть и были такими, про них нечего хорошего сказать нельзя, но хотя бы чифер заварили по приезду, за это можно им сказать большое спасибо.

Сергей налил себе чифирия, сел на край кровати, сделал глоток. Горько, крепко, горячо — то, что надо. Глаза сами собой закрылись. На секунду — только на секунду — он позволил себе просто сидеть и пить. «Хорошо, — подумал он. — Просто хорошо. Горячий чай — это единственное, что тут может быть хорошим. Всё остальное — нет. Но чай — да. Чай — это маленькая свобода».

Дальше больше Сергей с ними не найдёт общих знаменателей, у него с ними конфликт будет до конца самого срока. С Сухаревым — особенно. Это Сергей уже понял, и не потому что догадывался, а потому что видел: взгляд, которым Сухарев его провожал, — это взгляд человека, который уже строит план. Не суетливый план, не злой — методичный. Сухарев не торопился — он умел ждать, а потом бил сбоку, когда не ждёшь.

Сергей выбрал себе позицию ещё после спецшколы и выбрал ориентиры своей жизни, на что равняться и к чему стремиться. Он уже понял, что у него ничего хорошего в жизни не будет, теперь только тюрьма, тюрьма, тюрьма. И каждый раз, когда он туда попадать будет, значит, надо думать над теми ошибками, по какой причине он попал, как сделать так, чтоб этих причин больше не было, значит, надо узнать что-то новое. А в тюрьме был очень хороший вариант, когда много было с кем пересечься и кто может чему-то научить. Этот урок усвоил Сергей с первого срока.

Глава 4. Вечер в прогулочном дворике

Всё. Сергей чефирнул, заправил кровать как мог, лечь ему не дали. Как вышли все с бани, всем разрешили выйти на улицу в прогулочный дворик на перекур. Активисты уже ушли, здесь уже был контролёр, который дежурил в карантине. Так что вот этот приёмный день подходил к концу.

Уже вышли на улицу, солнышко уже потихоньку шло к закату, уже был тёплый вечерний бриз, где-то оранжевым заливалось небо. Все закурили по сигарете, дым столбом шёл из дворика. Тогда на малолетках ещё разрешали курить свободно, не было таких законов, запрещающих этого. Ну администрация всё равно спекулировала курём: могли не вывести за плохое поведение на прогулочный дворик покурить и прогулки лишить. Это было как будто так и надо.

Дворик был маленький — метр на тридцать, бетонный, обнесённый сеткой. Скамейки — две, железные, приваренные к земле. На стене — граффити, нацарапанные гвоздём: имена, клички, сроки. Кто-то нарисовал крест. Кто-то написал «домой». Сергей посмотрел на это и подумал: «История на стенах. Каждый, кто тут сидел, оставил след. Имя, кличку, год. Как надгробия. Только живые».

Зато Сергей сидел на корточках, смотрел в клеточку неба, как дым уходит медленно к небу. Щуплый парень сел рядом, молча протянул ему сигарету. Сергей покачал головой:

— У меня есть. Спасибо.

Парень кивнул, будто понял без слов.

Помолчали. Щуплый курил торопливо, нервно, заглатывая дым, как будто боялся, что сигарету отнимут. Сергей посмотрел на него и подумал: «Этот не выдержит. Не потому что слабый — слабые тоже держатся, если знают зачем. Этот не знает зачем. Ему некуда возвращаться, некому доказывать. Такие ломаются первыми».

— Тебя как зовут? — спросил Сергей, не поворачивая головы.

— Лёха, — ответил парень после паузы. — Лёха... ну, просто Лёха.

— Просто Лёха, — повторил Сергей. — Ну вот, Лёха. Запомни одну вещь: тут все будут на тебя давить. Дубаки, активисты, свои же. Все. Если ты сразу согнёшься — так и останешься согнутым. Не надо геройствовать, не надо лезть никуда. Просто не гнись.

Лёха затаился, закашлялся, вытер рот тыльной стороной ладони:

— Легко тебе говорить. Ты вон какой.

— Какой? — Сергей повернулся, посмотрел на него.

— Ну... Ты не боишься. А я боюсь.

Сергей ничего не ответил. Докурил сигарету до фильтра, раздавил окурочек о бетонный пол. «Бойся, — думал он. — Ну и ладно. Бояться — нормально. Главное — чтобы страх не залез внутри и не начал командовать. Если страх командует — всё, ты не ты».

— А ты за что сидишь? — вдруг спросил Лёха, после паузы. Голос был тихий, но любопытный.

— Неважно, — ответил Сергей. — У каждого тут своя история. Никто чужие не слушает.

— А я — за кражу. Магазин обчистил. Два раза. Третий раз поймали. Мне повезло — мне шестнадцать, а не восемнадцать. Дали три года.

— Повезло, — кивнул Сергей. — А мне — три с половиной. Но это не «повезло». Это просто — меньше, чем могло быть. А могло быть — больше.

Лёха замолчал, обхватил колени руками. Посидел, потом спросил:

— А тебя мама навещает?

— Нет, — ответил Сергей. Коротко, без объяснений. Лёха понял и больше не спрашивал.

Солнце уже почти село, небо из оранжевого стало тёмно-синим, появились звёзды — мелкие, далёкие, будто проткнутые булавкой в чёрной бумаге. Во дворике стало прохладнее,

вечерний бриз донёс запах дыма и чего-то горелого из-за запретки — может, мусор жгли, может, листву. Где-то далеко, за зоной, проехал поезд — гулко, тяжело, будто кто-то огромный вздохнул. Затих. Сергей прислушался. «Поезд, — подумал он. — Везёт людей. Свободных людей. Сидят, пьют чай, смотрят в окно. И не знают, каково тут. И не узнают. И хорошо, что не узнают».

Сергей думал, что срок нерезиновый, он кончится, рано или поздно, он выйдет обязательно, и всё будет хорошо. Обязательно должно быть всё хорошо, будет куча денег, дай бог где-нибудь украдёт их, и он покажет всем — всем, кто написал его со счетов, что он может сам жить без чьей-либо помощи и всем докажет, что он без всех справился. Он их ненавидел. По-настоящему. Мать на суде кричала: «Его надо закрыть! Надолго-надолго, подальше от дома! Потому что иначе он нас всех перережет!» Отец сказал три слова: «Мы пытались. Не получилось» — и ушёл, даже не кивнул. После суда стояли у «Москвича» с пустыми, стеклянными глазами. Они всегда считали, что он — зверь, от которого надо избавиться. «Ну вот, — думал он, — вот вам. Я справлюсь. Без вас. Без вашей помощи. Без ваших нравоучений и без ваших денег».

Контролёр позвал с крыльца:

— Всё, перекур окончен. Заходи.

Парни потушили окурки, потянулись внутрь. Лёха встал первым, быстро, будто боялся, что его забудут. Сергей поднялся медленно, размял спину — ныло, но терпимо — и пошёл последним. На пороге обернулся, посмотрел на дворик: маленький, бетонный, обнесённый сеткой, с протоптанной дорожкой по кругу. Вот оно — его пространство на ближайший срок. Ничего. Бывали и хуже.

— Слышь, — сказал Лёха, уже стоя в дверях. — Спасибо. За слова. Про «не гнись».

— Не за что, — ответил Сергей. — Просто запомни.

Зашёл внутрь. Карантин встретил запахом чифира, старых простыней и какого-то кислого, затхлого духа, который бывает во всех казённых помещениях — от спецшколы до тюрьмы, везде одинаковый. Сергей уже знал этот запах и даже привык к нему. «Дом, — подумал он без иронии. — Пока что — дом».

Сегодняшний день, самый тяжёлый, подходил к концу. Самые тяжёлые шмоны закончились, а всё остальное переживётся-перемолится. И где-то в глубине себя он уже знал: этот день — не последний тяжёлый. Но если он выдержит его, значит, выдержит и другие.

Глава 5. Первая ночь в карантине

Сергей зашёл в карантин после того, как всех загнали обратно с перекура. До утра он уже покурить не сходил — только втихаря можно было курить прямо в кровати на нарах, прикрывшись одеялом и пустив дым в стену. Но сейчас было не до сигарет.

В карантине Сергей посмотрел телевизор — небольшой, старый, с кривым экраном, висел под потолком на кронштейне. Показывали что-то про животных: лев догонял антилопу, и Сергей подумал: «Вот и мы тут — кто лев, кто антилопа, только без саванны». Параллельно он был в своих мыслях: размышлял о том, какой будет завтрашний день. Ему хотелось лечь отдохнуть. Спина быстро уставала — ещё с этапа, ещё от тряски в воронке, от жёстких сидений, от того, что сидеть прямо он не мог, а сгорбиться не хотел.

Лёха сел рядом, тоже уставился в телевизор. Лев уже догнал антилопу, тащил её по траве, и оператор снимал это крупным планом — без жалости, без эмоций. Просто фиксация.

— Слышь, Серёг, — Лёха тихо сказал, — а это правда про нас. Лев и антилопа.

— Угу, — ответил Сергей. — Только мы и львы, и антилопы одновременно. Каждый — кому как повезёт.

— А кто decides?

— Не «кто». Что. Ситуация решает. Сегодня ты лев, завтра — антилопа. Главное — не привыкать к роли.

Контролёр закричал из коридора:

— Всё! Отбой! Телевизор выключить! По местам!

Кто-то ещё пытался досмотреть, но контролёр повторил громче, и телевизор щёлкнул, погас. Все пошли в туалет — узкая каморка в конце коридора, с двумя раковинами и кабинкой без двери. Сергей нашёл возможность ещё разок сделать три затяжки сигаретой и «забычковать» её — затушить о бетонный пол, спрятать окурок в карман. Сходил по нужде, умылся холодной водой, посмотрел на себя в треснутое зеркало: лицо серое, под глазами тени, губы обветренные. «Ну что, Рыжий, — подумал он, — вот ты и дошёл. Опять. Снова. В который раз».

Единственный минус заключался в том, что завтра нары нужно было поднимать и застёгивать к стене. Сегодня вечером они были опущены заранее, а утром надо будет поднять шконки, контролёр пристегнёт их к стене, отнести матрас в кладовку. А нары эти весили будто полтонны: доска была под углом загнута, сантиметров пять толщиной, уголок тяжёлый железный. Такие нары поднимали только вдвоём.

— Слышь, — сказал Лёха, стоя рядом у раковины. — Как нары-то поднимать? Я один не смогу.

— Завтра попросим кого-нибудь. Или вместе поднимем. Я — спину берегу, но подсобить — подсоблю.

— А если контролёр будет орать?

— Будет орать — перетерпим. Он орать — это нормально. Это его работа — орать. Наша — молча делать.

Лёха уже лежал на нижних нарах, свернувшись калачиком, одеяло натянул до подбородка. Сергей полез наверх — спина отозвалась тупой болью, но он стиснул зубы и влез. Так Сергей лёг, крутился долго, не мог найти правильное положение, чтобы лежать удобнее. Матрас был тонкий, сквозь него чувствовалась каждая неровность доски. Пружина — одна, тугая, упиралась прямо в поясницу. Сергей повернулся на бок — стало лучше, но не надолго. «Ничего, — думал он. — Привыкну. Уже привыкал к худшему».

— Слышь, — тихо сказал Лёха снизу, — ты не спишь?

— Нет, — ответил Сергей.

— Я тоже. Страшно немного.

— Не бойся. Страшно только первый день. Потом привыкнешь.

— А ты не боишься?

— Боюсь. Но не об этом сейчас надо думать.

Лёха помолчал. Потом спросил:

— А о чём надо?

— О том, как завтра всё обернётся. И как сделать так, чтобы обернулось в твою сторону.

— А как сделать?

— Не знаю пока. Завтра посмотрю, оценю. Но главное — не показывать, что тебе страшно. Даже если страшно. Особенно если страшно. Улыбка — нет, улыбаться не надо, тут не оценят. Просто — ровное лицо. Спокойные глаза. И молчание. Молчание — это щит. Пока молчишь, тебя не могут поймать на слове. А скажешь лишнее — припомнят.

Лёха ничего не ответил. Через пять минут он уже сопел — уснул. Сергей лежал с открытыми глазами.

Где-то в коридоре кашлянул кто-то — резко, мокро, будто выкашливал кусок лёгкого. Потом — тишина. Потом — шаги контролёра, тяжёлые, мерные, будто он не шёл, а отсчитывал время. Прошёл — стихло. Сергей прислушался к тишине: где-то гудела труба отопления, монотонно, ровно, как далёкий корабельный гудок. За стеной — кто-то шептался, нельзя было разобрать слова, только интонация — тревожная, быстрая. Потом — стихло. Тишина. Казённая, густая, как вата.

Он размышлял, как пойдёт его жизнь здесь, в этом лагере. Его больше всего пугала неизвестность: что там сейчас будет, будут драки или так обойдётся без всяких занятий иерархией. Он каждую минуту об этом думал. Но перед сном просто мечтал: мечтал, что освободится, поедет в какой-нибудь большой город, где ещё ни разу не был, найдёт знакомых, приживётся и будет там жить, и у него всё будет нормально. Представлял улицы, фонари, кафе, где можно сидеть с кофе и смотреть на людей, и никто не будет загонять тебя в воронки и везти в колонию.

«Большой город, — думал он. — Новосибирск, может. Или Владивосток. Или Москва — нет, Москва слишком далеко, слишком чужая. А Новосибирск — нормально. Там холодно, но чисто. Можно устроиться на завод, работать, копить деньги. Купить комнату. Маленькую, но свою. С кроватью, с подушкой, с одеялом, которое не казённое. С замком на двери. И никто не войдёт без стука. И никто не крикнет «подъём» в шесть утра. И нары не надо поднимать. Просто — спать. В своей кровати. В своём углу. В своём городе».

С этими мыслями Сергей уснул.

Глава 6. Каша и зарядка

Ночь прошла быстро. Когда утром включили свет и крикнули подъём, казалось, что все только-только начали спать — никому не хотелось вставать.

— Подъём! — крикнул контролёр, щёлкая выключателем. — Встать! Матрасы скрутить!

Свет — резкий, белый, больной — ударил по глазам. Сергей зажмурился, потом открыл. Потолок — серый, с трещиной, похожей на молнию. Лёха застонал внизу, повернулся на другой бок.

— Лёха, — сказал Сергей, свесивая голову с верхних нар. — Вставай. Не вылежишь.

— Не могу, — пробурчал Лёха. — Только уснул.

— Все так спали. Вставай.

— А можно ещё пять минут?

— Нельзя. Тут «пять минут» не работает. Тут работает «сейчас». Вставай.

Лёха заворочался, сел, тёр лицо. Глаза были красные, опухшие — будто и не спал вовсе.

— Серёг, а сколько тут вообще нужно вставать?

— Всегда. Каждое утро. В шесть. Без вариантов.

— Каждый день?

— Каждый. Пока срок не кончится. Или пока не переведут. Но переведут — там будет то же самое. Привыкай к подъёму, Лёха. Это закон.

Лёха вздохнул, спустил ноги с нар, встал. Постоял, пошатываясь, как будто искал равновесие.

Все встали, скрутили матрасы, отнесли их в кладовку. Контролёр стоял, ждал, чтобы все подняли шконки и пристегнули их к стене. Сергей посмотрел на нары, прикинул вес — тяжёлые, заразы. «Завтра мне их поднимать, — подумал он. — Спина не позволит. Надо будет попросить кого-нибудь». Мысль мелькнула и ушла — отложились где-то в глубине головы, будто зерно, посаженное в землю. Даст росток — позже.

Нары поднимали вдвоём — он и Лёха. Лёха держал снизу, Сергей — сверху, за уголок. Спина взывала, но Сергей стиснул зубы. Защёлкунули крючок, прислонили к стене. Контролёр проверил — кивнул.

— Нормально. В следующий раз — быстрее.

— Постараемся, — ответил Сергей, ровно, без обещаний.

Контролёр выгнал всех на улицу на зарядку. Небо было серое, низкое, будто давило на плечи. Воздух — сырой, холодный, пах землёй и железом. Немного помахали руками — «раз-два-три налево», «раз-два-три направо», — еле-еле как-то. Кто-то зевал, кто-то шлёпал ногами по земле, стараясь не отставать. Контролёр смотрел на это равнодушно — ему было всё равно, главное — факт присутствия, проведения.

— Раз-два! Раз-два-три! Поворот! — командовал контролёр без воодушевления, как будто сам не верил, что это кому-то нужно.

Кто-то сзади пробурчал:

— Какого хрена мы тут машем? Вчера приехали — уже физкультура.

— Молчать! Руки выше!

— Они и так выше. Больше некуда.

Контролёр не стал разбираться, кто сказал. Просто махнул рукой — продолжайте. Всем было плевать. Это была показуха, все это знали. Зарядка для отчёта, не для здоровья.

— Ладно, — сказал он после пяти минут. — Перекур пять минут. Потом завтрак.

Сергей затянулся, достал сигареты. К ним даже никто не подошёл стрелкнуть, хотя обычно кто-то просит — сегодня настроение у Сергея было плохое, очень хотел спать. У него

всегда была проблема: он всегда под самое утро только хотел спать, ночью ему было интересно, а вот с самого утра до обеда ему обязательно нужно было поспать — такой организм.

Лёха подошёл, сел рядом на корточки:

— Слышь, а что на завтрак дают?

— Каша. Чай. Хлеб.

— Какая каша?

— Такая, что ложку можно перевернуть — каша не упадёт.

Лёха скривился:

— Ну вообще...

— Ничего. Пожрёшь и будешь знать, чего ждать.

— А что, каждый день такая?

— Каждый. Раз в неделю — с маслом. Но масло — это редкость. Обычно — клейстер.

Ешь — и не спрашивай. Запах — поправишься.

— Чего поправишь?

— Не чего, а когда. После обеда. После обеда — лучше. С утра — всегда хуже. Организм не принимает. Но тут не до капризов — ешь, что дают, или не ешь вообще. Третьего не дано.

Витёк Малый подошёл, присел рядом — уже подружились за ночь, перебросились парой слов. Невысокий, жилистый, с вечно удивлёнными глазами, будто всё вокруг него было новостями.

— Слышь, а тут вообще кофе бывает? — спросил он, и глаза у него были такие, будто он и правда верил, что бывает.

— Кофе? — Сергей посмотрел на него. — Витёк, ты где находишься? Какое кофе? Тут чай — и тот из ведра. Кофе — это на свободе. На большой свободе.

— Ну а вдруг. Мало ли.

— Мало ли — это там. А тут — вот так. Терпи.

Сергей медленно, не торопясь покурил, затушил бычок, прибрал его на всякий случай. Все пошли в карантин умываться, одеваться. Кто-то между столом и стенкой на лавочке попытался вытянуться, подремать, закрыть глаза, пока из столовой не принесли завтрак. Сергей растянулся, лёг на спину, закрыл рукой глаза, попробовал ещё поспать — вроде бы только провалился в сон, уже закричали «завтрак».

Заходит поварёнок — не такой уж большой, с ведром с закрытой крышкой. На ведре написано «первое блюдо». В другой руке — чугунный чайник, потёртый, с помятой ручкой. И ещё сумка, вероятно, с хлебом. Поварёнок — мелкий, с чёлкой, которая лезла в глаза, и с вечным недовольным выражением лица, будто его лично обидели тем, что приходится разносить еду.

— Ну, кому сюда? — буркнул поварёнок, ставя ведро на стол. Звякнуло. — Принимайте, дармеды.

— Сам ты дармед, — пробурчал кто-то.

— Чё сказал? — поварёнок обернулся.

— Ничего. Давай, разливай.

Хлеб сразу же отдали всем в камеру, разделили по пайкам — одна шестая буханки на человека. Лёха посмотрел на свой кусок:

— Это что, на день?

— На завтрак, — ответил Сергей. — Будет ещё обед и ужин. Может быть.

— Может быть?!

— Может быть. Иногда обед пропускают — если провинились. Или ужин. Но обычно дают три раза. Хлеб — это точно три раза. Ещё — на ночь не дают. Так что растягивай.

— А можно хлеб приберечь? На потом?

— Можно. Но спрячь. Иначе скрысят. Тут за хлеб — убить могут. Не буквально, но... всё может быть.

Лёха сунул хлеб под подушку, оглянулся — не видит ли кто. Сергей кивнул: правильно.

Поварёнок начал раскладывать кашу по тарелкам — по черпаку каждому. Каша была клейстер голимый: её можно было засунуть на ложку и просто перевернуть тарелку — вся каша останется на ложке, ни капли не упадёт.

— Что это? — Лёха ковырял ложкой в тарелке.

— Каша, — сказал Сергей. — Ешь. Не спрашивай.

— А если не съем?

— Тогда голодный будешь. Тут других вариантов нет.

— А если стошнит?

— Не стошнит. Организм привыкнет. Первый день — трудно. Второй — легче. Через неделю — будешь есть и не морщиться. Через месяц — будешь ждать. Через полгода — будешь любить. Так работает. Организм подстраивается под всё — под кашу, под режим, под отсутствие нормальной еды. Он — умный, умнее нас.

Витёк Малый сидел рядом, молча, быстро ел. Глотал, не жуя. Сергей посмотрел на него:

— Витёк, ты чё так быстро?

— Привык. Дома так ел — шесть братьев, три сестры. Кто быстро — тот сыт. Кто медленно — тот голодный.

— Понятно.

Напиток был чай, разведённый неизвестно на сколько народу — мутный, бледный, чуть тёплый. Сергей отхлебнул, поморщился. «Ну чего вы хотели? — думал он. — Государство: где взять? Налогоплательщики мало отчисляют налогов, чтоб на зеков тратить. Да и администрации воровать откуда-нибудь надо. Так что молодёжь пусть сама как-нибудь крутится».

— Ну, за завтрак, — сказал Витёк Малый, подняв кружку, будто тостировал.

— За что? — Лёха не понял.

— За то, что мы живы. После первого дня в лагере — это уже повод.

Сергей усмехнулся — впервые за утро. Коротко, почти незаметно. Но усмехнулся.

Всё съели кашу с хлебом, запили этим чаем. Утро вроде началось.

Глава 7. Мазок

Опять так же валялись на лавочках: кто просто сидел, опершись, положил голову на стол и закрыл руками — спал. Кто ночугорел, кто сел на пол рядом с батареей, уснул, опустив голову на колени. Все спали так где-то до девяти часов.

Сергей не спал — лежал на нарах, смотрел в потолок, прокручивал в голове то, что видел вчера. Сухарев. Король. Активисты. Система. «Всё, как всегда, — думал он. — Только имена другие, лица другие, а логика — та же. Кто сильнее — тот и прав. Кто слабее — тот и виноват. Ничего нового. Но надо быть осторожнее. Первый день — это развод. Второй день — это присмотр. Третий — начинается настоящее».

— Эй, карантин! — крикнул контролёр. — Стройся! В санчасть пошли.

Часов в девяти пошли в санчасть — сдавать анализы, проверять кожнодиспансер, обычные медицинские процедуры по прибытии в лагерь. Шли строем через двор, мимо запретки, мимо вышки, где сидел ещё один контролёр с рацией. Сергей смотрел по сторонам, запоминал: где что, как расставлены здания, куда ведут дорожки. «Мало ли, — думал. — Информация лишней не бывает».

Двор был большой — пустой, бетонный, с протоптанными дорожками. По краям — бараки, одноэтажные, длинные, с облупленной краской. На одном — вывеска «Школа», на другом — «Столовая», на третьем — «Санитарная часть». Между бараками — деревья, тощие, прибитые ветром, будто и они тут сидели по приговору.

Пришли в санчасть — небольшое здание с белыми стенами и запахом карболки. В конце коридора были видны уже старые каторжане-малолетки, которые давно сидели в изоляторе при санчасти. Они зорко наблюдали за ними.

— Чего пялятся? — тихо сказал Лёха.

— Смотрят, кто пришёл, — ответил Сергей. — Новенькие — это всегда интересно. Не обращай внимания.

— А чего им интересно?

— Им скучно. Они тут уже давно, им нечего делать. Сидят, смотрят, как новое мясо приезжает. Оценивают. Кто продержится, кто сломается, кто подпишет. Для них это — кино.

Сергей посмотрел на них, подумал: ну мы что ли, на выставке? Но ничего не сказал. Заходили из кабинета в кабинет, осматривали всех: глаза, уши, горло, кожа. Рутинная, знакомая по прошлым срокам. Врач — пожилая, с хмурыми бровями и руками, которые двигались быстро и точно — заглядывала каждому в рот, светила фонариком в уши, щупала лимфоузлы. Без слов, без вопросов. Только: «Открой. Закрой. Повернись. Следующий».

— А у тебя татуировки есть? — спросила она, посмотрев на Сергея.

— Нет, — ответил он. Чистую правду. Татуировок не было. Пока.

— Хорошо. Следующий.

В один кабинет, когда повёл контролёр, там стояли колбы с проволокой, вкрученной на конце с ваткой. Вот тут началось самое весёлое. Медсестра — немолодая, с усталыми глазами и ручками быстрыми — сказала:

— Надо взять мазок.

Витёк Малый — парень из их карантина, невысокий, жилистый, с вечно удивлёнными глазами — спросил:

— Откуда вам мазок взять?

Она говорит спокойно:

— Из жопы.

Сергей стоял в коридоре, услышав эти слова, увидев глаза Витюка Малого, которые округлились по пять рублей — куда?!

Медсестра повторила, ещё спокойнее:

— В жопу.

Витёк Малый выбежал из кабинета с руганью:

— Да никогда не дам! В жопу мне толкать что-то?! Вы чё, охренели?

Серёга начал ржать. Не мог сдержаться — аж прислонился к стене, плечи тряслись. Лёха тоже заулыбался, прикрыв рот рукой. Все услышали, начали бунтовать:

— Нет, мы не пойдём!

— Это что ещё за процедура?

— Нам ещё в лагере сидеть, жизнь впереди!

— А так весь лагерь будет прикалываться: «медицинского пидораса»! Нет, спасибо!

Витёк Малый стоял в коридоре, красный, как помидор, и орал:

— Я вам что, подопытный кролик?! Я малолетка, а не морская свинка! Из жопы мазок — это где такое видано?!

Сергей отсмеялся, вытер глаза и тоже отказался. «Полгода будет весь лагерь стесаться-издеваться над нашим карантином — нет, я тоже отказываюсь», — думал он. Это, конечно, не обиженные, но всё равно ничего хорошего.

Отрядник — здоровый, с красным лицом — ещё пытался уговаривать:

— Ребята, ну это же анализы. Ничего такого. Это нормально, обычная процедура.

— Нормально? — Витёк Малый покраснел. — Вам нормально — идите и делайте себе!

А мы не будем!

— Это медицинское обследование, не издевательство!

— Медицинское? Ну так медицина — она наука. А наука — она разная бывает. Вот вам — наука, а нам — позор на весь лагерь! Нет уж, спасибо!

Отрядник посмотрел на контролёра. Тот пожал плечами: не моё дело. Пусть сами разбираются.

Врач пришла главная — строгая, в очках, с журналом под мышкой — пыталась уговорить, что это анализы, ничего такого, это нужно для здоровья, для статистики, для чего угодно. Карантин ни в какую не согласился. Даже приняли такое решение, что начали угрожать: «вскроемся, если заставите».

— Вскроемся! — крикнул кто-то из задних рядов. — Вот этим скальпелем! Видите? На столе лежит! Мы не шутим!

Скальпеля, конечно, на столе не было. Но врач побледнела — не от страха, а от раздражения.

— Вы понимаете, что вы делаете? — спросила она, и голос её стал тише, но жёстче. — Мы — врачи. Мы — не враги. Мы хотим помочь. Если у кого-то инфекция, мы должны знать. Это — не для лагеря. Это — для вас.

— Спасибо, доктор, — ответил Сергей спокойно, — но мы как-нибудь сами. Без жопы.

Врач посмотрела на контролёра. Контролёр посмотрел на врача. Они переглянулись — и махнули головой.

— Всё, — сказала врач. — Идите в карантин. Потом разберёмся.

Сергей собрался, встал сзади мальчишек и посмотрел на тех урков, которые уже лежали в санчасти и наблюдали за всем этим представлением. Один из них — с татуировкой на руке, от кисти до локтя — усмехнулся и показал Сергею большой палец. Сергей чуть кивнул. «Значит, мы не первые, кто отказался, — подумал он. — И не последние».

Урок был худой, с жёлтым лицом и глазами, которые видели всё — не злые, не добрые, а просто видящие. Он сидел на кровати, скрестив ноги, и смотрел на Сергея, как старший смотрит на младшего, который сделал что-то правильное, но не знал, что это правильное.

— Эй, рыжий, — тихо сказал он, когда Сергей проходил мимо. — Правильно сделали. Мы тоже отказались. Два года назад.

— И что? — Сергей остановился.

— Ничего. Забили. Никто не умер. А если бы согласились — был бы позор. Лучше без мазка, чем с клеймом.

Сергей кивнул и пошёл дальше.

Все вместе с карантинном, с Витьком Малым — с кем Сергей познакомился ближе — пошли потихоньку в карантин. Сергей думал: «После обеда придут активисты. Сто процентов. Придут подписывать заявление. Надо готовиться».

Глава 8. Король

В обед принесли еду: первое, второе, компот. Поели молча — после утреннего инцидента в санчасти все были чуть на взводе, перешёпывались, поглядывали на дверь. Сергей ел не торопясь, думал. Он знал от старых уркаганов, с кем пересекался по столыпинской дороге и по тюрьмам со взрослыми, что такое подписывать заявление в секцию. Объясняли ему: подпишишь — и ты уже не свой. Ты — их. Ты пишешь рапорты на товарищей, ты докладываешь, кто что сказал, кто что сделал. Ты — стукач. Пусть красивое название — «секция физкультуры и порядка» или «трудовая секция», — суть одна: ты работаешь на администрацию и на актив, который администрацию обслуживает.

— Слышь, Рыжий, — сказал Витёк Малый, хлебая суп. — Чего они к нам придут?

— Заявление подписывать, — ответил Сергей.

— Какое заявление?

— В секцию. Будут предлагать вступить.

— А если не подпишу?

Сергей посмотрел на него, прищурился:

— Тогда начнут давление. Беседы. Потом кулаки. Держись, Витьок, если решишь не подписывать.

Витёк Малый побледнел, но кивнул.

— А ты подпишешь?

— Нет, — сказал Сергей.

— Почему?

— Потому что я не стукач. И не буду им. Ни сегодня, ни завтра, ни вообще.

— А может, подписать — и отстанут? — Лёха подал голос, тихо, осторожно, будто боялся, что Сергей на него накричит.

Сергей не накричал. Посмотрел на Лёху, потом на Витьку, потом обратно на Лёху:

— Не отстанут. Подпишешь — они тебя зацепят. Будут давать задания. Рапорты писать. Докладывать, кто что сказал. А ты будешь отказываться — и тогда начнут давить. Только теперь — как на своего. Потому что ты уже подписал, ты уже их. И от своих не уходят. Понял?

Лёха кивнул, замолчал. Витёк Малый тоже молчал, ковырял ложкой суп.

— Но каждый решает сам, — добавил Сергей тише. — Я не осуждаю тех, кто подпишет. Это — выбор. Тяжёлый, но выбор. Я просто говорю, как будет. Чтобы вы знали.

После обеда их вывели на прогулочный дворик, покурили. Сергей стоял у сетки, смотрел на небо — серое, низкое, без единого просвета. И тут увидел: идут четверо активистов, а впереди них — такой король. Сергей смотрел на него, и в голове крутилось: «король-король, где-то что-то знакомое, не могу вспомнить, где слышал это».

Король шёл впереди, в хорошей форме, отглаженный, чистый, опрятный — он сразу выделялся из всей толпы. Не высокий, но ладный, с цепким взглядом, который скользил по карантину, будто считывал каждого. Активисты шли за ним полукругом, как свита. Шаг — ровный, неторопливый, уверенный. Так ходят люди, которые знают: любое их слово — закон. Не потому что страшно, а потому что система работает на них.

— Это кто? — Лёха толкнул Сергея.

— Тсс, — Сергей не отводил глаз. — Это — Король. Главный активист. По лагерю — первая фигура.

— А что, самый главный?

— Самый. Все остальные — под ним. Сухарев, которого ты видел на шмоне, — это его шестёрка. Король — это пахан из активистов.

— А он что, решает, кто куда пойдёт?

— Он решает всё. Кто в какой секции, кто в каком отряде, кого давить, кого не трогать. Всё через него.

Только через полчаса, когда уже с прогулочного дворика заходили после перекура, Сергей вспомнил. Он постоял в дверях карантина, подождал, когда активисты подойдут ближе. Король шёл сзади.

Когда Сергей поравнялся с ним в дверях, сказал негромко:

— Король, тебе от Шашки Зайца привет.

Король остановился. Посмотрел на Сергея — быстро, цепко, будто проверял, не блефует ли.

— Откуда ты его знаешь?

— Да мы в спецшколе вместе сидели. А также на вокзале пересекались, когда первый раз я сбегал. Говорил, что из спецшколы тусовались какое-то время. Потом в спецшколе жили вместе.

Король посмотрел на него, чуть прищурился — видно было, что он прокручивает в голове, вспоминая. Потом медленно кивнул:

— Всё понял.

— Шашка просил передать, если что — он за тебя ручался. Сказал, что ты поймёшь.

— Понимаю. Дальше сам.

И пошёл на беседу со всем карантином. Сергей шёл не торопясь сзади, сел у батареи. Думал: «Может, обойдут, может, не позовут. Хотя — нет. Позовут. Обязательно позовут. Не позовут — значит, я им не интересен. А я им интересен. Сухарев уже наверняка рассказал про вчерашнее».

Очередь потихоньку шла. Народ дёргали в кабинет — типа каптёрки, маленькая комната с одним окном, столом и двумя табуретами. Там не было контролёра — только король со своими активистами. Из кабинета выходили тихие, прижимающие к себе листки бумаги. Кто-то выходил с каменным лицом, кто-то — с бегающими глазами. Сергей смотрел и видел: большинство подписало. Конечно, подписали — страшно отказывать четверым активистам в закрытой комнате без контролёра.

Витёк Малый вышел белее стены. Подошёл к Сергею, сел рядом.

— Ну? — спросил Сергей.

— Подписал, — тихо сказал Витёк. Голос был пустой, будто из него вынули что-то. — В санитарную. Сказали — полы мыть.

— Витёк, ты что?

— А что? Четверо на одного. В закрытой комнате. Без контролёра. Один — у двери стоит. Мне что — драться?

— Нет. Ты правильно сделал. Не в этом дело.

— А в чём?

— В том, что ты теперь — их. Пока — санитарная. Потом — попросят ещё. Рапорт. Доклад. Кому-то рассказать, кто что сказал. Понемногу. Потом — больше. Так работает.

Витёк побледнел ещё больше, если это было возможно.

— Я не буду стучать.

— Посмотрим. Когда тебя вызовут и скажут: «Расскажи, что говорил Рыжий» — тогда и решишь.

— А ты?

Очередность дошла до Сергея.

— Рыжий! Заходи!

Сергей вошёл. Увидел всю эту компанию: король сидел за столом, активисты — двое по бокам, один у двери. И ещё один — Сухарев. Стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел

на Сергея тем самым взглядом — холодным, как взгляд гиены. Он только ждал, чтобы Сергей столкнулся. «Вот ты и пришёл, Рыжий», — говорил этот взгляд.

Король положил на стол листок бумаги и ручку:

— Рыжий. Вот заявление в секцию физкультуры и порядка. Подпиши.

Сергей посмотрел на листок, потом на короля, потом на Сухарева. Взял листок, повертел в руках, будто читал. Положил обратно.

— Давайте я подумаю ещё.

Король посмотрел на него — не злобно, скорее с любопытством, как на шахматную доску, где фигура сделала неожиданный ход.

— Подумать? О чём тут думать?

— Я всегда думаю, прежде чем подписывать. Особенно то, чего не читал раньше.

— Тут нечего читать. Это стандартное заявление. Форма.

— Форма — это форма. А содержание — это содержание. Я люблю знать, что подписываю. Все пункты. Все условия. Что от меня требуется, что я получаю, что теряю.

Активист у двери хмыкнул. Король чуть повёл бровью — мол, тихо.

Сухарев подал голос — тихо, но так, чтобы все слышали:

— Тут нечего думать. Подпиши — и всё. Не усложняй.

Сергей не повернул головы в его сторону. Смотрел только на короля.

— Сергей, ещё раз: я подумаю. Завтра решу.

Король помолчал. Посмотрел на Сухарева — тот чуть качнул головой, мол, дай мне с ним. Король чуть покачал в ответ: нет, не сейчас.

— Ладно, — сказал король. — Хочет подумать — пусть подумает. Завтра.

На этом и порешали. Они не ожидали ничего, что Сергей что-то сделает. Но у Сергея был уже хороший план.

Они ушли. Сергей вышел из каптёрки, сел на нары. Лёха подбежал сразу:

— Ну что? Подписал?

— Нет.

— А что сказал?

— Сказал, подумаю.

— А ты будешь думать?

— Уже думаю. Идём, покурим.

— А что надумал?

— Надумал, что подписывать не буду. Не сегодня, не завтра, не вообще. А как избежать — придумаю. Идём, покурим. Расскажу.

Лёха посмотрел на него — серьёзно, без улыбки:

— Серёг, ты понимаешь, что будет? Они не отстанут.

— Понимаю. Поэтому и думаю. Не о том, подписать или нет — это я уже решил. О том, как сделать так, чтобы они не могли заставить.

Вечером в карантине прошло спокойно. Смотрели телевизор, кто-то играл в карты — самодельные, из картонки, с нарисованными мастью и цифрами. Сергей лежал на нарах, смотрел в потолок и прокручивал завтрашний день. План был готов. Оставалось одно — решиться. Он уже решился. Легли спать.

Глава 9. Два гипса

Утром встали, как обычно, никто не выспался. У Сергея уже был хороший план. Он проснулся за пять минут до подъёма, лежал с открытыми глазами, прокручивал каждый шаг. «Главное — не дрогнуть. Боль будет. Но костяные пальцы — это не жизнь. Это пара недель гипса. А подписанное заявление — это весь срок стукачом».

Сердце билось ровно — не быстро, не медленно. Спокойно. Как перед операцией: страшно, но знаешь, что надо. И когда знаешь, что надо, — страх отступает. Не исчезает, нет — просто отходит на задний план, уступает место решимости.

Подъём. Все засуетились: матрасы, умывание, одевание. Контролёр уже стоял в дверях, ждал, когда все поднимут шконки и пристегнут к стене.

Сергей посмотрел на нары. Тяжёлые, железные, с деревянными щитами. Поднять одну ногу — уже усилие. Поднять целиком — нужны двое.

Он подошёл к двум мальчишкам — русский с веснушками и второй, поменьше, тёмненький. Сказал спокойно:

— Слышь, пацаны. Помогите нары поднять. Мне тяжело, спина. Не могу сам.

Мальчишки посмотрели на него, переглянулись. Русский кивнул:

— Давай. Что делать?

— Просто приподнимите край, я тут поправлю. Щит съехал.

— А нары тяжёлые. Вдвоём еле поднимаем.

— Я знаю. Поэтому и прошу. Только вы с той стороны, я с этой. Поднимем вместе — и опустим. По команде. Понял?

— Понял. Давай.

Мальчишки взялись за край, подняли. Нары ушли вверх с тяжёлым скрипом железа. В этот момент Сергей подsunул под край нары пальцы обеих рук — левую и правую, по три пальца на каждой, плотно, чтобы точно прижало. Мальчишки не заметили — они смотрели вверх, держали вес. Сергей сказал:

— Хорошо, опускайте.

Они опустили. Тяжёлый, чугунный край нары обрушился на пальцы — и Сергей почувствовал, как хрустнуло. Не громко, не с треском — тихо, влажно, будто ломается сырая ветка. Боль пришла не сразу — сперва холод, потом жар, потом — так, что потемнело в глазах.

Сергей только ойкнул. Тихо, коротко, не больше. Не закричал, не застонал. Мальчишки обернулись — увидели, что Сергей побледнел, что руки застряли под нарами.

— Бля... Тебе что, придавило? — русский испуганно дёрнулся.

— Поднимите. Быстро, — сказал Сергей сквозь зубы. Голос был ровный, но губы побелели.

Мальчишки подняли нары. Сергей вынул руки — пальцы на обеих руках уже начали опухать, синеть, принимать неестественное положение. Левая рука — явно перелом, пальцы выгнуты вбок. Правая — не лучше, два пальца не гнулись. Сергей засунул руки между ног, прижал к себе и стиснул зубы.

Боль — тупая, пульсирующая, расходилась от пальцев вверх, к запястьям, к локтям, к плечам. Будто кто-то вливал кипяток в вены. Сергей закрыл глаза, подождал — секунду, две. Боль не прошла, но стала привычнее. «Перелом, — подумал он спокойно. — Точно перелом. Обе руки. Хорошо. Значит, точно нельзя подписать. Точно нельзя работать. Точно нельзя держать черенок от швабры в каптёрке. План работает».

— Закрывайте нары, — сказал он мальчишкам.

Те торопливо захлопнули шконку, переглянулись, испуганно.

— Тебе надо к врачу, — сказал русский. — У тебя пальцы...

— Я знаю, — ответил Сергей. — Ничего. Сейчас.

— Может, я с тобой схожу?

— Не надо. Сам. Спасибо за помощь.

— Да какая помощь... Я же не знал... Если бы знал — не стал бы...

— Не надо, — перебил Сергей. — Ты ничего не знал. Нары упали, край сорвался. Случайность. Понял?

Русый посмотрел на него — долго, непонимающе. Потом медленно кивнул. Не потому что поверил — потому что не хотел верить. Не хотел думать, что кто-то может сделать такое с собой. Намеренно.

Он вышел перекурить. Руки болели так, что сигарету в правую руку пришлось вставлять, как карандаш — между указательным и средним, потому что пальцы не слушались. Закурил, затянулся лёгкими, не глубоко — глубокий вдох отдавался в руках. Лёха подошёл, сел рядом, посмотрел на руки Сергея — на гипс ещё не наложили, но пальцы уже посинели и опухли.

— Ты чё сделал? — прошептал Лёха.

— Нары придавили, — ответил Сергей, не глядя на него.

— Сам?

Сергей не ответил. Лёха всё понял без слов.

— Ты чё, дурак? — сказал Лёха, но голос был не злой, а скорее испуганный. — Ты ж себе руки сломал. Обе. Нафига?

— Надо.

— Кому надо?

— Мне.

— Зачем?!

— Затем, что завтра — заявление. А с гипсом я не могу подписать. Не могу держать ручку. Не могу работать. Не могу делать вообще ничего. Это — щит. Понял?

Лёха открыл рот, хотел что-то сказать — и не сказал. Только покачал головой. Потом тихо, почти шёпотом:

— Серёг, это же больно. Наверное, очень больно.

— Больно, — согласился Сергей. — Но пройдёт. А стукачом быть — не пройдёт. Это на весь срок. На всю жизнь. Вот это — больно по-настоящему.

Лёха замолчал. Сидел рядом, курил, и руки у него слегка дрожали.

После перекура Сергей подошёл к контролёру, который дежурил у входа в карантин. Спокойно, вежливо, даже почти приветливо, сказал:

— Господин начальник, мне в санчасть надо.

Контролёр — тот самый, с деревянным лицом — посмотрел на него сверху вниз:

— Зачем тебе?

Сергей показал руки. Пальцы распухли, посинели, два на правой выгнуты вбок, левая совсем не гнётся. Контролёр посмотрел — и впервые за весь день что-то изменилось в его лице. Не сочувствие, нет. Скорее профессиональное раздражение: лишняя работа, лишние бумаги, лишний звонок.

— Как умудрился?

— Кажется, пальцы сломал, — ответил Сергей, глядя ему прямо в глаза. — Шконкой придавило. Мальчишки нары поднимали, я помогал, край сорвался.

— Рыжий... — контролёр вздохнул, записал что-то в журнал, позвонил.

Через двадцать минут Сергея увели в санчасть. В санчасти фельдшер — немолодая женщина с усталыми глазами и руками, которые помнили всё — взяла его ладони, повернула, пощупала. Не сказала «бедный мальчик», не посмотрела с жалостью. Просто спросила:

— Как это произошло?

— Нары упали, — сказал Сергей.

Фельдшер посмотрела на него чуть дольше, чем нужно. Может, поверила. Может, нет. Но в истории болезни написала: «Травма пальцев обеих кистей, несчастный случай». И наложила гипс. На обе руки — от запястья до кончиков пальцев, толстый, белый, тяжёлый.

— Пару недель поносить, — сказала она без эмоций. — Не мочить. Придётся на перевязку через неделю.

— Можно вопрос? — спросил Сергей.

— Можно.

— А писать я смогу?

— Нет. Не сможешь. Пока гипс — никак. Ни писать, ни держать ничего. Только есть — и то с трудом.

— Это хорошо, — сказал Сергей.

Фельдшер посмотрела на него — и впервые за весь приём на лице её что-то мелькнуло. Не улыбка, нет — скорее тень понимания. Она работала здесь давно. Она видела многое. И она знала, что «это хорошо» — не про выздоровление.

Сергей сидел на кушетке, смотрел на две белые глыбы вместо рук, и думал. Боль уже притупилась — фельдшер дала таблетку. Гипс был неудобный, тяжёлый, но Сергей смотрел на него почти с благодарностью. Это был его щит. Не от Сухарева — от системы. Пока эти две белые глыбы на руках, никто не мог заставить его подписать заявление. Не мог заставить держать молоток на работе. Не мог заставить писать рапорты на товарищей. Не мог заставить делать вообще что-то, что требует пальцев.

План активистов сегодня сорвался на подписание заявления — Сергею было нечем его подписывать. И это был самый аккуратный и малотравмоопасный способ. Единственный. Если бы они били — всё было бы намного тяжелее и длительнее. Так Сергей порешал.

В тот же день, ближе к обеду, в санчасть пришёл Сухарев. Один, без свиты — может, не хотел, чтобы дубаки видели, зачем он идёт. Зашёл тихо, сел на табурет напротив кушетки, где лежал Сергей с гипсом на обеих руках. Посмотрел на гипс. Долго молчал.

— Красиво, — сказал он наконец. Голос был ровный, без иронии, без злости. Скорее — с уважением. Холодным, расчётливым уважением.

— Не нравится — не смотри, — ответил Сергей.

Сухарев чуть усмехнулся:

— Я не про гипс. Я про то, что ты придумал. Это... не глупо.

— Спасибо.

— Не благодари. Это не комплимент. Это констатация. Ты сорвал подпись — да. Но гипс снимут. Через две недели, через три — и тогда...

— И тогда что?

Сухарев наклонился чуть ближе, сказал тихо:

— И тогда мы поговорим. Без гипса. Без дубаков. Без короля. Один на один.

— Посмотрим, — ответил Сергей. Не «да», не «нет» — «посмотрим». Слово, которое не обязывает, но и не сдаётся.

Сухарев встал, одёрнул робу, поправил нагрудный знак. На пороге обернулся:

— Рыжий. Ты хитрый. Но хитрость — это не сила. Запомни.

— Запомню. И ты запомни: я не хитрый. Я — упрямый. А упрямство — дольше хитрости.

Сухарев ничего не ответил. Только посмотрел — секунду, две — и вышел.

Сергей лежал на кушетке, смотрел в потолок. Гипс чесался, руки ныли, но внутри было спокойно. Тихо, ровно, как после шмона, когда сел с цифиром и выдохнул. Он переиграл систему — не хитростью, не силой, а тем, что система не предусмотрела: человек может сломать себе руки, чтобы не подписать бумагу. Кто такое придумает? Только тот, кто уже был внутри и знает, как это работает.

Сергей знал. Он усвоил этот урок ещё с первого срока: иногда лучший ход — не атаковать и не защищаться, а просто убрать себя с доски. Временно. Чтобы противник не знал, куда бить.

Лёха пришёл после обеда, принёс Сергею чифирь в жестяной кружке — налил, помог поднести к губам, потому что сам Сергей держать не мог.

— Спасибо, — сказал Сергей, глотая горький, крепкий чифирь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.